

RU

Эпиграфы в русских мемуарных текстах
второй половины XVIII – начала XIX века

Фарафонова О. А.

Аннотация. Статья посвящена исследованию корпуса текстов русской мемуаристики второй половины XVIII – начала XIX в. в аспекте беллетризации. Эпиграф понимается как один из очевидных и ориентированных на потенциального читателя знаков авторской осознанности не только по отношению к содержанию воспоминаний (отбор фактов для описания, способы выражения точки зрения и т. п.), но и к литературной форме мемуаров. Цель исследования – выявить метатекстовую функцию эпиграфов в русских мемуарных текстах второй половины XVIII – начала XIX в. В статье обозначается корпус имеющих эпиграфы мемуарных текстов указанного периода, анализируется литературный и культурный генезис мемуарных эпиграфов, определяется место эпиграфа в метатекстовой раме мемуарного произведения. Особое внимание уделяется соотношению эпиграфов с исходным культурным и литературным контекстом. Научная новизна состоит в выявлении функционального репертуара мемуарного эпиграфа как ориентированного на читателя авторского знака, а также в исследовании произведений, ранее не рассматривавшихся в аспекте поэтики мемуарного текста (Т. П. Калашникова, И. О. Острожского-Лохвицкого, А. де Пальмье). В результате доказано, что появление эпиграфов в русской мемуаристике второй половины XVIII – начала XIX века является маркером общего процесса беллетризации мемуарного повествования.

EN

Epigraphs in the Russian memoir texts
of the second half of the XVIII century – the early XIX century

Farafonova O. A.

Abstract. The paper is devoted to the study of the corpus of texts of Russian memoiristics belonging to the second half of the XVIII century – the early XIX century in the aspect of fictionalization. The epigraph is understood as one of the obvious and potential reader – oriented signs of the author’s awareness not only in relation to the content of memories (selection of facts for description, ways of expressing a point of view, etc.), but also to the literary form of memoirs. The aim of the research is to identify the metatext function of epigraphs in the Russian memoir texts of the second half of the XVIII century – the early XIX century. The paper outlines the corpus of memoir texts of the specified period with epigraphs, analyzes the literary and cultural genesis of memoir epigraphs, determines the place of the epigraph in the meta-textual frame of a memoir work. Special attention is paid to the correlation of epigraphs with the original cultural and literary context. The scientific novelty lies in identifying the functional repertoire of the memoir epigraph as a reader-oriented author’s sign, as well as in studying works that have not been previously considered in the aspect of the poetics of a memoir text (T. P. Kalashnikov, I. O. Ostrozhsy-Lokhvitsky, A. de Palmier). As a result, it has been proved that the appearance of epigraphs in Russian memoiristics in the second half of the XVIII century – the early XIX century is a marker of the general process of fictionalization of the memoir narrative.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного осмысления места русской мемуаристики второй половины XVIII – начала XIX в. в общем историко-литературном процессе в контексте сближения мемуаров с литературой. Тенденция к беллетризации мемуарного повествования определяет основное направление развития русской мемуаристики как культурного феномена во второй половине XVIII в. Усиление авторского начала, осознание мемуаристами записываемых воспоминаний как целостного текста приводит к оформлению метатекста, ориентированного на читателя. Элементы метатекстовой рамы мемуарного

повествования (заглавие, эпиграф, предисловие, послесловие), выражая авторскую волю, задают необходимый мемуаристу ракурс восприятия его сочинения.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определение корпуса мемуарных текстов второй половины XVIII – начала XIX в., имеющих эпиграфы; во-вторых, выявление источников эпиграфов; в-третьих, анализ мемуарных эпиграфов с точки зрения метатекстовой функции и роли в общем контексте мемуарного повествования.

Для осмысления места и функции эпиграфов в русских мемуарных произведениях в статье применяются сравнительно-исторический и герменевтический методы исследования.

Материалом исследования послужили произведения таких русских мемуаристов второй половины XVIII – начала XIX в., как Д. И. Фонвизин (Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2-х т. / сост., подг. текста и комм. Г. П. Макогоненко. М. – Л., 1959. Т. 2), Т. П. Калашников (Калашников Т. П. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. 1904. Вып. 3), И. О. Острожский-Лохвицкий (Острожский-Лохвицкий И. О. Описание жития, дел, бедствий и разных приключений, то есть Годепорик или странствие в жизни сей // Киевская старина. 1886. № 2), А. де Пальме (Пальме А. де. Сокращенная выписка из тайной записки моей жизни с 1794 по 1808 год // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 1994), И. В. Лопухин (Лопухин И. В. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990), И. М. Долгоруков (Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М.: Наука, 1997). Мемуары Калашникова, Острожского-Лохвицкого и де Пальме впервые описаны с точки зрения особенностей поэтики. Осуществленная в процессе исследования реконструкция историко-культурного контекста потребовала обращения к литературным произведениям XVIII в. (Чулков М. Д. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины // Русская проза XVIII века / сост. Г. Макогоненко. М.: Художественная литература, 1971) и первым опытом научно-критической рецепции мемуарных произведений XVIII в.: заметки П. А. Вяземского о творчестве И. М. Долгорукова (Вяземский П. А. Старая записная книжка / сост., вступ. ст. и комм. Л. Я. Гинзбург. Л., 1927) и комментарий Б. Л. Модзалевского к первой и единственной публикации мемуаров Т. П. Калашникова в «Русском архиве» (Модзалевский Б. К истории Сибири в конце XVIII века. Воспоминания Т. П. Калашникова // Русский архив. 1904. Вып. 3). Также в работе использовались сочинения И. М. Долгорукова (Долгоруков И. М. Сочинения Долгорукаго (князя Ивана Михайловича): в 2-х т. СПб., 1849. Т. 1).

Теоретическую базу исследования составили труды Н. Д. Кочетковой (1994), М. Я. Билинкиса (1995), И. Савкиной (2007) и других ученых, в большей или меньшей степени интересовавшихся генезисом русской мемуаристики второй половины XVIII в. и ее местом в общем историко-литературном процессе.

Практическая значимость предпринятого исследования состоит в возможности использования его результатов для системного изучения процесса и способов беллетризации русской мемуаристики второй половины XVIII – начала XIX в., а также в процессе преподавания дисциплины «История русской литературы XVIII в.».

Обсуждение и результаты

Сам факт появления в мемуарах такого метатекстового элемента, как эпиграф, – знак литературной осознанности и свидетельствует прежде всего о том, что сочинение осмысливается мемуаристом именно как целостный текст. Эпиграф, выступая в метатекстовом ансамбле с заглавием и (реже) предисловием, является одним из знаков беллетризации мемуарного повествования.

Из всего корпуса русских мемуарных текстов второй половины XVIII века эпиграфы встречаются в нескольких произведениях: «Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год», «Описание жития, дел, бедствий и разных приключений, то есть Годепорик или странствие в жизни сей» И. О. Острожского-Лохвицкого (1770-е гг. – начало 1820-х гг.), неоконченное «Чисто-сердечное признание в делах моих и помышлениях» Д. И. Фонвизина (1790-1792), «Сокращенная выписка из тайной записки моей жизни с 1794 по 1808 год» Анны де Пальме, «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим» (1808-1809) и «Капище моего сердца» И. М. Долгорукова (1818).

Отмеченные мемуары не равноценны с эстетической точки зрения, но не вызывает сомнения, что эпиграф в них выражает определенную авторскую позицию и по отношению к собственному тексту, и по отношению к читателю. В этом смысле эпиграф во всех указанных текстах выполняет функцию авторского знака, предназначенного в первую очередь читателю и задающего необходимый автору аспект восприятия.

Самым ранним по времени создания из выявленных нами произведений с эпиграфами является «Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794». Чиновник Иркутской казенной палаты Т. П. Калашников начинает писать мемуары в 1794 году. Эпиграф – «Читайте. // Хоть в огонь бросайте» – приписан Калашниковым (1904, с. 147) значительно позже того, как были написаны сами мемуары. На это указывает несколько моментов. После эпиграфа есть приписка: «Подписал при отъезде в Олекминск Генваря 25-го 1822 г.». Основному же тексту записок предшествует небольшой подзаголовок: «Описывал жизнь свою Тимофей Петров Калашников, находясь в Иркутске. 21 декабря 1794 г. ввечеру» (Калашников, 1904, с. 147).

Обращает на себя внимание значительное сходство эпиграфа Калашникова с предваряющим первое издание его стихотворений 1802 г. эпиграфом И. М. Долгорукова: «Угоден – пусть меня читают; // Противен – пусть в огонь бросают; // Трубы похвальной не ищут» (1849). Долгоруков сохраняет этот эпиграф во всех последующих собраниях своих стихотворений (1808, 1817). Одно из изданий вполне могло быть известно и в Иркутске 1820-х годов.

Косвенным подтверждением того, что Калашников мог быть знаком с одним из изданий стихотворений Долгорукова, является то обстоятельство, что в это время его сын, Иван Тимофеевич Калашников, впоследствии довольно известный писатель и мемуарист, живя в Иркутске и состоя на службе в той же казенной палате, что и его отец, начинает свою литературную деятельность. Издания стихотворений Долгорукова довольно хорошо распространялись. Не исключено, что читатели Сибири (жители Иркутска и Тобольска) могли быть знакомы с этими изданиями. То, что эпиграф приписан спустя 24 года после написания Калашниковым-старшим его мемуаров, также служит подтверждением нашей гипотезы. В это время И. Т. Калашников начинает активную литературную деятельность, дебютирует с первыми очерками, близко сходится с «сибирским Карамзиным», историком Сибири, краеведом, поэтом П. А. Словцовым, имевшим обширную библиотеку.

Эпиграф, предваряющий издания стихотворений Долгорукова, по словам П. А. Вяземского, демонстрирует абсолютную «искренность» отношения автора к своим творениям и к читателям. Характеризуя поэзию Долгорукова, Вяземский пишет: «От Долгорукова художества не жди: он не родился художником, художником и не сделался. Ему некогда было воспитывать дарование свое. <...> Долгорукова каждый поймет. <...> У него была своя публика». Поэзия Долгорукова могла быть, по словам Вяземского, близка и понятна «грамотному простолюдину». Именно в такой среде «издание Долгорукова могло бы найти читателей и сочувствие» (Вяземский, 1927, с. 288). Т. П. Калашников, поступивший на службу в возрасте 10 лет и бывший «сыном бедного приказного», человеком «маленьким, без достаточного образования» (Модзалевский, 1904, с. 145), вполне этому определению соответствует.

В стихотворениях Долгорукова Калашникова могла привлечь автобиографичность и даже трепетность в отношении к личному опыту. В предисловии к третьему собранию своих стихотворений Долгоруков писал: «Я очень мало поправлял... потому что... хотел сохранить все оттенки чувств своих, видеть в них, как на картине, всю историю моего сердца, его волнения, перемену в образе мыслей. <...> Я ни одной безделки, ни одного стиха не вымарал, потому что всякий напоминает мне какое-либо происшествие, или мысль, или чувство, которое на меня действовало тогда» (Долгоруков, 1849, с. 13). Автору «Жизни незначительного Тимофея Петровича Калашникова» такое отношение к истории собственной жизни должно было очень импонировать – он сам старается восстановить и сохранить даже самые незначительные подробности своего прошлого, жизни родителей, сестер, брата, своих детей и т. п.

Таким образом, не вызывает сомнения, что у эпиграфа к запискам Калашникова есть первоисточник. Сибирский мемуарист сохраняет логику исходного текста. И хотя это, разумеется, не прямое цитирование, очевидно сходство структуры эпиграфических строк «Жизни...» Калашникова с текстом Долгорукова. Отметим, что в эпиграфе Калашникова не нашла отражения третья строчка из эпиграфа Долгорукова – «Трубы похвальной не ищут». Возможно, выраженная в ней мысль не вполне соответствовала основной интенции мемуариста. Обращение к читателю в эпиграфе у Калашникова очевиднее и декларативнее, нежели у Долгорукова, он использует форму 2-го лица множественного числа вместо формы 3-го лица, как у Долгорукова. И в том, и в другом случае авторская ориентация на читателя выражена достаточно четко: и тот, и другой автор предоставляют читателю право решить, чего достойны их тексты – прочтения или сожжения. Вместе с заглавием, выводящим на первый план «незначительность» мемуариста, перифраз строчек Долгорукова в эпиграфе Калашникова внятно и откровенно декларирует авторскую позицию: кому-то (потенциальному читателю) жизнь небогатого представителя мелкого чиновничества может показаться незначительной и неинтересной «безделкой», но для него самого она является достойной того, чтобы быть записанной.

Мемуары современника Т. П. Калашникова И. О. Острожского-Лохвицкого открываются эпиграфом: «Ускори, Щедрый, и потщися на помощь мою, яко можеш хотяй» (1886, с. 540). Эта фраза является несколько искаженной цитатой из жития гимнографа, исповедника и подвижника Иосифа Песнописца Сицилиота. Полная цитата звучит иначе: «Ускори, Щедрый и потщися яко Милостив, на помощь нашу, яко можеш хотяй» (Киселев, 2015, с. 17). Согласно житию Иосифа Песнописца, эта фраза была написана на свитке, полученном в темнице Иосифом от явившегося ему Николая Чудотворца. По повелению святого Иосиф съел свиток, а затем пропел начертанные на нем слова, как указал ему Николай, и обрел свободу и особый дар слова. Эпиграф задает значимый для Острожского-Лохвицкого религиозный контекст, необходимый для восприятия его сочинения читателем, и может интерпретироваться как обращение к высшим силам за помощью и благословием при начале писательского труда. Для Острожского-Лохвицкого значима ассоциация с Иосифом Песнописцем, возникающая между ним как автором записок о своей жизни и исполнившим повеление св. Николая гимнографом при посредничестве цитаты из жития. Таким образом мемуарист будто обосновывает и свое право на голос и на слово о себе.

В «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» Д. И. Фонвизина несколько эпиграфов – общий, ко всему тексту, и отдельный эпиграф к каждой части (книге). Все эпиграфы являются цитатами из текстов Священного Писания, посланий апостолов, молитв и вместе с цитатами внутри произведения образуют метатекстовую структуру, крайне важную для понимания автобиографического сочинения Фонвизина. Тематическим ключом ко всему «Чистосердечному признанию...» является усеченная и неточная цитата

из Псалтыри в центральном эпиграфе: «Беззакония моя аз познах и греха моего не покрых». В оригинальном тексте Псалтыри этот стих звучит так: «Беззакония мое познах и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви: и ты оставил еси нечестие сердца моего» (Псалом 31, ст. 5).

В «Рассуждении о суетной жизни человеческой» Фонвизин пишет о Давиде и его псалмах: «Я никого не знаю, кто бы так живо изобразил бренность суетной жизни человеческой, как сей богодухновенный муж. Поучительные его мысли собрал я здесь с присовокуплением моих рассуждений не для чего иного, как в собственное мне душевное наставление» (1959, с. 79). В «Чистосердечном признании...» цитирование Псалтыри выполняет ту же самую функцию. Но если «Рассуждение...» должно прочитываться и прочитывается именно в религиозно-философском ключе, то «Чистосердечное признание...» имеет двойную «кодировку». Первый код – христианско-агиографический – задан общим эпиграфом и цитированием Писания. Вторым – сугубо литературный – задан прямой отсылкой к «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо в начале произведения. Каждый из этих кодов создает свой интерпретационный контекст.

Отсылка к Руссо и сравнение своего замысла с «подвигом» французского писателя необходимы Фонвизину для того, чтобы продемонстрировать радикальное отличие «Чистосердечного признания...» от «Исповеди»: «...в моих признаниях нет никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского: чистосердечно открою тайны сердца моего и беззакония аз возведу» (1959, с. 81). Н. Д. Кочеткова полагает, что замысел Фонвизина лишь «отчасти оказывается противоположен Руссо», и исповедь у Фонвизина является «не столько покаянием, сколько попыткой объяснить себя, свои поступки. <...> В этом отношении он вполне мог солидаризироваться с Руссо» (1994, с. 242). Но эпиграфы священных текстов внутри текста «Чистосердечного признания...», образуя главный для этого произведения Фонвизина контекст, показывают, что «солидаризироваться» с Руссо он не может. Во втором абзаце Фонвизин пишет, объясняя концепцию «Исповеди»: «Я хочу, говорит Руссо, показать человека во всей истине природы, изобразив одного себя». Третий абзац относится уже к нему самому и его замыслу и начинается словами: «Но я, приближаясь к пятидесяти летам моей жизни... чистосердечно открою тайны сердца моего». Начало четвертого абзаца однозначно указывает, что не в контексте руссоистской исповедальности, а в контексте христианской проповеднической традиции нужно прочитывать «Чистосердечное признание...». Фонвизин противопоставляет Руссо слова апостола Иакова: «Но как апостол глаголет: *исповедуйте убо друг другу согрешения...*» (1959, с. 81). В следующем за этим абзаце Фонвизин пишет, как бы откликаясь на наставление апостола: «Не утаивая ничего из содеянного мною зла, скажу без прибавки и все то, что я сделал, следуя гласу совести. И если между множеством согрешений случилось мне в жизни сотворить нечто благое, то признаю и исповедую, что сие не от меня происходило, но от самого бога, вся благая нам дарующего» (1959, с. 82).

Рассматривая «Чистосердечное признание...» как текст на стыке двух традиций, А. В. Растягаев (2009) считает, что эпиграфы у Фонвизина не являются самодостаточными и выступают «исключительно как знак цитируемого текста, в данном случае – библейского». Согласившись с первой частью утверждения исследователя, отметим недостаточность второй его части. Эпиграфы в исповедальном произведении Фонвизина, безусловно, не самодостаточны, т. к. для корректного понимания их места в общей структуре произведения они требуют реконструкции исходного контекста. Но при этом они не являются «исключительно» знаком цитируемого текста. Их задача масштабнее – они не только организуют мысль автора, но дают ему верный и соответствующий поставленной задаче – «испытание совести» – язык самоописания. Вряд ли в таком случае использование в качестве эпиграфов цитат из Писания и обильное его цитирование в самом тексте «Чистосердечного признания...» можно объяснить стремлением Фонвизина «выстроить дистанцию между автором и условным “я” рассказчика» и «принципом остранения» (Коптева, 2012, с. 177). По словам А. Стричека, в произведении Фонвизина, написанном им незадолго до смерти, «всякая искусственность исчезает», Фонвизин «сбрасывает» какие бы то ни было литературные маски, «отказывается от придуманных героев», и произведение обретает «стилистическое единство <...> мы видим фонвизинскую манеру в чистом виде» (1994, с. 466).

Библейский контекст, заданный эпиграфами и пронизывающий «Чистосердечное признание...», является авторским кодом к прочтению текста, ориентированным на читателя и используемым совершенно сознательно.

Эпиграфом из Псалтыри открываются и мемуарные «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим»: «Человек яко трава, дние его яко цвет сельный» (Псалом 102, ст. 15). Отметим, что мемуары Лопухина не только воспоминания, но философско-религиозный трактат, посвященный волнующим автора вопросам. Он много рассуждает о законах, наказании, воспитании, семье, вере, масонстве. События собственной жизни перестают быть в мемуарах Лопухина основной целью и объектом повествования, в «Записках...» прежде всего «происходит моделирование типа “духовного рыцаря” как одного из вариантов “внутреннего человека”» (Приказчикова, 2018, с. 712). Главное для него – не столько рассказать о том, что было, сколько показать некий путь понимания себя и мира. Эпиграф из Псалтыри становится очевидным знаком подобной авторской концепции повествования.

Обращает на себя внимание усеченный вид псалмического стиха в эпиграфе: Лопухин, указав точный «адрес» цитаты, ставит точку там, где в оригинальном тексте ее нет: «Человек яко трава, дние его яко цвет сельный, *тако отцветет*». Концовка стиха вполне бы соответствовала традиционной мемуарной интенции: человек, осознавая свою конечность, стремится запечатлеть свое существование в слове, оставить память о себе. «Отсекая» финальную его часть, Лопухин усиливает метафорическое звучание эпиграфа и одновременно акцентирует смыслы, важные как для христианской нравственной философии, так и для масонской идеи

становления души как «работы над диким камнем». «Цвет сельный», соотносящийся в тексте псалма с человеком, – цвет естественный, полевой, недолго живущий, потому что не знает руки садовника. В одной фразе соединяются и мимолетность человеческой жизни, и природная, естественная «дикость» его души, которая требует постоянного внутреннего труда. Тот же усеченный стих 102 псалма дублируется в качестве эпиграфа ко второй части «Записок...» Лопухина, но уже с иной интенцией: в конце стоит не точка, а многоточие – знак неоконченной работы над собой.

О мемуаристке конца XVIII – начала XIX века Анне де Пальме практически ничего не известно. За исключением того, что она сама сочла нужным указать в тексте под заглавием «Сокращенная выписка из тайной истории моей жизни». Единственная публикация состоялась в 1994 году в альманахе «Российский архив», который мыслился создателями как продолжение известного журнала П. И. Бартенева «Русский архив». Принцип издания – «первенство документа над его субъективной интерпретацией» (Пальме, 1994, с. 6). Издатели публикуют его со ссылкой на Центральный государственный архив литературы и искусства и утверждают со всей ответственностью, что «как бы то ни было, наша героиня – все-таки не удачливое создание талантливого мистификатора, коих было всегда немало на Руси, а реальное действующее лицо отечественной истории» (Пальме, 1994, с. 13).

Стилистика мемуаров указывает на то, что Пальме ориентировалась на литературные образцы. Ее «Сокращенная выписка...» открывается эпиграфом – неточной цитатой из романа М. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины»: «Читатель увидит и разберет, а разобрав и взвеса мои дела, пускай наимянует меня, какую изволит» (Пальме, 1994, с. 14). Важно отметить несколько моментов. Безусловно, эпиграф к «Сокращенной выписке...» является авторским знаком и знаком литературным. Отсылка к одному из самых примечательных русских романов XVIII века неслучайна.

Очевидно сходство повествовательной модели «Сокращенной выписки...» Пальме с романом Чулкова, который М. Я. Билинкис назвал «повествованием, имитирующим мемуарную конструкцию» (1995, с. 8). Авантюрная история жизни самой Пальме вполне могла бы стать основой для романного сюжета. Своего рода декларацией и самопрезентацией автора является и то, что эпиграфом служит намеренно неточная цитата именно из русского романа XVIII века, единственного написанного от лица женщины. Отметим, что русскому читателю уже были известны и европейские романы такого рода. Например, переведенный на русский язык И. П. Елагиным и В. И. Лукиным и изданный в 1793 году в типографии Императорской Академии наук роман А. Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско», оказавший, по мнению исследователей, несомненное влияние на «Пригожую повариху» Чулкова (Безрукова, 2018). Мы полагаем, что для Пальме обращение к русскому роману принципиально. Ей крайне важно оставить своего рода знак своей «русскости», несмотря на фамилию, которая, предположительно, была дана ей в семье некоего французского эмигранта, куда она, как внебрачный ребенок знатного сановника Российской империи, могла быть отдана на воспитание.

Но следует отметить, что отсылка к роману Чулкова имеет в «Сокращенной выписке...» Пальме и полемический характер: в отличие от героини «Пригожей поварихи» Мартоны, мемуаристка презентует себя как человека строгих моральных принципов: «Неугасимая лампада чистой философии, основанной на практической добродетели, заставила меня любовью ко всему чистому и прекрасному, страданием освященным, так сказать, союзом его смирением и терпением, созревшим в страдании, не терять никогда и ни в каких обстоятельствах должного к себе уважения. Соединя руку с природою и подружившись с нею для преодоления всего того, что кажется неприступным, то и заставила она меня следовать по стезям ея. А тогда гибельной пример и мечтательная приманка славы и величия – ах! истинно пустаго величия – никогда не могло обольстить меня, и я тщательно старалась уклоняться очаровательных уловок тщеславия и гордости... И так я спаслась от пропасти... <...> Но правота и добродетель как были, так и будут завсегда спутниками моими» (1994, с. 14). Цитируя в эпиграфе роман Чулкова, Пальме одновременно противопоставляет свое жизненное кредо «принципам» Мартоны и идентифицирует свою жизнь с романом, как с наиболее соответствующей её истории моделью автоописания.

Отметим также, что в той фразе из романа Чулкова, которую берет в качестве эпиграфа Пальме, речь идет не о читателе, а о «свете»: «Увидит *свет* (курсив наш. – О. Ф.), увидев, разберет, а разобрав и взвесив мои дела, пускай наимянует меня, какую он изволит» (1971, с. 43). С одной стороны, сохраняется заложенная Чулковым ориентация на пренебрежение судом «света» / всего мира, которому открывается нарочито «нескромная» героиня романа, но, с другой – мемуаристка смещает фокус, делая своим адресатом не весь свет, а своего потенциального читателя. Замена «света» на «читателя» в данном случае носит концептуальный характер. Во-первых, это позволяет Пальме, сохраняя ассоциативный фон романа Чулкова, все-таки дистанцироваться от его героини; во-вторых, вместо системы отношений «исповедующаяся героиня – весь свет» возникает парадигма «автор – читатель», которая будет подкреплена и усилена в предисловии. Отметим, что для Пальме-мемуаристки, которая сама опускает «мрачное покрывало» на обстоятельства ее рождения и жизни вплоть до смерти отца, особенно актуально «утвердить факт собственного существования, сказать: “я – есть”» (Савкина, 2007, с. 52).

Последний из выявленных нами мемуарных текстов с эпиграфами – «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» И. М. Долгорукова – своеобразное по своему замыслу и композиции мемуарное произведение, которое открывается литературно продуманным сочетанием метатекстовых элементов: заглавие, предисловие и эпиграф. Эпиграф здесь не предшествует предисловию, а замыкает его, превращаясь в своеобразный ипограф.

Следует отметить, что Долгоруков является одним из самых рефлексирующих мемуаристов второй половины XVIII – начала XIX века. Он постоянно размышляет о том, что он пишет, но и том, как он это делает

или собирается делать. Поэтому в его случае нет сомнений в осмысленности включения эпиграфа, подбора заглавия или содержания предисловия. Больших мемуарных произведений у Долгорукова два – «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего» и «Капище...», но эпиграф появляется в более позднем – «Капище...», представляющем собой в некотором роде «экстракт», компендиум «Повести...» (Коровин, 1997, с. 323). Эпиграф, связывая «Капище...» с поэзией Долгорукова, является знаком того, что мемуары должны соотноситься с собраниями его стихотворений «Бытие сердца моего» (1802) и «Сумерки моей жизни» (1808). И если предисловие к «Капищу...» дает подробное описание причин и обстоятельств, побудивших Долгорукова к созданию этого своеобразного «Лексикона», то замыкающие его поэтически строчки эпиграфа обозначают лейтмотив всего сочинения.

Завершая объяснение причин и плана письма, Долгоруков пишет: «...при конце моего Предисловия и в начале моего Лексикона поставлю следующие известные мои стихи: *Ах! Подлинно вся жизнь проходит в отношениях: // Я вижу их в бедах, я зрю их в наслажденьях; // Иное длится день, другое целый год, // По отношениям весь движется народ*» (1997, с. 8). «Стишки» собственного сочинения, которые цитирует здесь Долгоруков, являются фрагментом послания «П... П... Нарышкину». Заканчивая предисловие автоцитатой, Долгоруков задает значимый фокус восприятия, но, в отличие от других мемуаристов, как бы замыкает свой текст на самого себя: ключом к мемуарному «Лексикону» становится собственное стихотворение, а не отсылка к тексту другого автора или Священному писанию. Если восстановить исходный контекст, на что, видимо, и рассчитывал Долгоруков, указав, что эпиграф взят из его «известных стишков», то станет понятен ключевой мотив всего «Капища...» – мотив мимолетности и непостоянства: «И дружба и любовь, и ненависть и злоба, // Все гибнет, – ничего нет твердаго до гроба; // Та цепь, что с детских лет соединяет нас, // По мере, как растем, все рвется каждый час; // Под старость точно то ж – обман во след обману» (1849, с. 267). Таким образом, эпиграф усиливает формулу текста, выраженную в заглавии – «словарь всех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». В центре мемориального лексикона Долгорукова, как и в его «Повести...», и в стихотворениях – собственное «я» автора: «Люди, которых описывал Долгоруков в “Капище...”, были интересны ему не своей биографией, а той ролью, которую они сыграли в его, Долгорукова, жизни; в центре всех описываемых связей и отношений был именно он, автор» (Солодянкина, 2020, с. 274).

Отметим, что Долгоруков, всегда много и охотно писавший и стихи, и прозу, стремится зафиксировать и облечь в слово практически все события своей жизни, переживания, сомнения, впечатления. Автобиографичность его поэзии перекликается и с замыслами мемуарных произведений – «Повести...» и «Капища...». Поэтому автоцитата в эпиграфе выглядит вполне закономерной.

Заключение

Анализ мемуарных эпиграфов второй половины XVIII – начала XIX века показывает, что, вне зависимости от того, был ли автор-мемуарист литератором или нет, эпиграф в его произведении выполняет традиционно литературные функции. Эпиграф оформляет «вхождение» потенциального читателя в текст, дает ему установку на определенный ракурс восприятия мемуарного повествования. В зависимости от исходной интенции и выбора мемуариста эпиграфы служат для выражения авторского отношения к своему творению и его потенциальным читателям (Т. П. Калашников); выступают в роли знака, акцентирующего авторскую волю мемуариста и обосновывающего право пишущего на голос и на слово (И. О. Острожский-Лохвицкий); указывают на значимую для автора религиозно-философскую (Д. И. Фонвизин, И. В. Лопухин, И. О. Острожский-Лохвицкий) или литературную (Т. П. Калашников, И. М. Долгоруков, А. де Пальме) традицию; являются авторским кодом к прочтению произведения, знаком выбора определенного способа повествования (Д. И. Фонвизин, А. де Пальме, И. В. Лопухин, И. М. Долгоруков); встраивают мемуары в общий контекст жизни и творчества автора (А. де Пальме, И. М. Долгоруков, И. В. Лопухин).

Эпиграф в мемуарах выступает в ансамбле с заглавием и предисловием, свидетельствуя о литературной ориентированности авторов, ищущих адекватный своему опыту и переживанию прошлого язык описания. Жанровое разнообразие источников указывает на сознательный выбор авторами определенных текстов для эпиграфа. Что, в свою очередь, является знаком авторской рефлексии по отношению к оформлению повествования о себе и своей жизни как законченного произведения.

Репертуар мемуарных эпиграфов генетически восходит к древнерусской культуре, отражающей христианское миропонимание, и к европеизированной литературной традиции. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в выявлении основных направлений и моделей беллетризации мемуарного повествования во второй половине XVIII века.

Источники | References

1. Безрукова М. В. К вопросу о художественном своеобразии «Пригожей поварихи» М. Д. Чулкова на фоне европейской романной традиции XVIII века // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22).
2. Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: документальные жанры. Повесть. Роман. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1995.
3. Киселев Н. Святой Иосиф Песнописец и его творения в славянской традиции. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2015.

4. Коптева Э. И. Роль эпитафий в автобиографическом повествовании Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» // Омский научный вестник. 2012. № 4.
5. Коровин В. И. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца» // Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М.: Наука, 1997.
6. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994.
7. Приказчикова Е. Е. «Духовный рыцарь» И. В. Лопухин: диалог с властью и совестью // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6. No. 3.
8. Растягаев А. В. Чистосердечный Фонвизин // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 5. Филология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/Rastiagaev/index.php>
9. Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛЮ, 2007.
10. Солодянкина О. Ю. Уроки жизни в мемуарной прозе князя И. М. Долгорукова // Диалог со временем. 2020. Вып. 73.
11. Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. М.: Прометей, 1994.

Информация об авторах | Author information

Фарафонова Оксана Анатольевна¹, к. филол. н., доц.

¹ Новосибирский государственный педагогический университет

Farafonova Oksana Anatolievna¹, PhD

¹ Novosibirsk State Pedagogical University

¹ oxana.faroks@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.04.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): русская мемуаристика; эпитафия; метатекст; авторский знак; беллетризация мемуаристики; Russian memoiristics; epigraph; metatext; author's sign; fictionalization of memoiristics.